

Ирина Степановна Достян. Какой я её помню

Впервые мы встретились с Ириной Степановной Достян в июне 1971 г. Именно тогда я, недавняя выпускница кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, стала сотрудницей сектора новой истории балканских народов Института славяноведения и балканистики АН СССР, в котором Ирина Степановна трудилась с 1949 г. (была зачислена в штат 30 декабря 1948 г.). Помню, как тогдашний заведующий сектором Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) представил меня в присутственный день своим подчиненным, моим будущим старшим коллегам. Институт тогда располагался почти в самом центре Москвы по адресу: Трубниковский переулок, дом 30-А — недалеко от проспекта Калинина (нынешний Новый Арбат), в старинном двухэтажном особнячке. Именно здесь прошла моя счастливая институтская молодость. Особнячок был просто прелестный и уютный, но, к сожалению, «малометражный», и места в нем для довольно большого коллектива и библиотеки было явно недостаточно. Так, в «нашей» комнате № 12 на втором этаже (площадью не более 20 м²) в общеинститутский присутственный день по понедельникам собиралось около 50 человек: мы, историки, и литературоведы. Оживленный разговор на самые разные темы — житейские, научные, глобально-философские — не смолкал до самого вечера, и порой казалось, что ты находишься внутри пчелиного улья, где установлены мощные усилители звука. К счастью, второй присутственный день был поспокойнее, так как протекал в четверг, без соседей-литературоведов (они приходили в пятницу).

Очень хорошо помню, хотя с тех пор минуло более 50 лет, свой первый «институтский» день, 14 июня 1971 г., и то, как я «влилась» в секторский коллектив. После Университета для меня это была другая планета, и, конечно, я очень волновалась.

Во-первых, я не знала никого из сотрудников. Во-вторых, у меня в то время не было никакого опыта работы в коллективе людей намного старше меня. До этого мне пришлось трудиться лишь весной-летом 1970 г. в «Интуристе» в качестве гида-переводчика (в югославской группе) — с целью подработки и языковой практики. Но тот коллектив был исключительно молодой, а теперь всё было иначе: моих ровесников в секторе не оказалось, да и в Институте в начале 1970-х годов их было немного.

Встретили меня мои будущие коллеги в высшей степени доброжелательно, внимательно и заинтересованно слушали мои ответы на вопросы — у кого я училась на кафедре, тема диплома и т.д. Народу в тот присутственный день было довольно много: одни приходили, другие выходили из комнаты. Пребывая во вполне объяснимом волнении, с первого раза я запомнила не всех, но сразу же отметила очень милую, интеллигентную женщину средних лет (ей тогда был 51 год), скромно, но со вкусом одетую, похожую, как мне показалось, на Индиру Ганди. А когда я услышала от заведующего ее фамилию — Достян, тут же поняла, что передо мной — автор той самой монографии о завоевании турками Балкан и борьбе сербов против турецкого ига, которую по рекомендации нашего преподавателя Виктора Георгиевича Карасёва (1922–1991) мы, студенты-югослависты, так усердно и добросовестно изучали на четвертом курсе, а потом обсуждали в семинаре. Наш педагог считал эту книгу эталонной и на ней учил нас писать научные труды.

Вот так я встретила с Ириной Степановной. И с того самого дня мы стали коллегами, что явилось для меня, как я убеждена теперь, большой жизненной удачей, ибо трудиться долгие годы в одном коллективе с таким человеком, Ученым с большой буквы, умной, принципиальной, мудрой, воспитанной и необычайно доброй женщиной — это и есть настоящее счастье.

В последующие годы, путем размышлений, я пришла к выводу, что Ирина Степановна занимала особое место в нашем научном коллективе. Сергей Александрович Никитин (1901–1979), один из основателей Института славяноведения и, начиная с 1947 г., заведующий нашим сектором, с конца 1960-х годов был в «почетной отставке» — пребывал в статусе научного консуль-

танта и в этом качестве осуществлял руководство несколькими международными проектами — публикациями архивных документов (с Югославией и Чехословакией). Новым заведующим сектором с 1968 г. стал Ю.А. Писарев, перешедший (в результате реформы) в Институт славяноведения из Института истории АН СССР с рядом сотрудников, специалистов по истории Румынии, Греции и Албании. Так объединились (не по своей воле) в одном коллективе специалисты по новой истории Балкан — слависты, бывшие ученики (по МГУ) и подчиненные профессора Никитина, и «пришельцы», как их называл наш остроумный коллега Акоп Арутюнович Улуян (1924–2003).

Коллектив сектора был большой (20 человек), обстановка время от времени накалялась, особенно при обсуждении научных трудов. Дискуссионность в те годы весьма одобрялась и поощрялась институтским начальством. Ю.А. Писареву как руководителю приходилось нелегко. И тут позиция Ирины Степановны была очень важна — она часто выступала в роли «усмирительницы» научных «страстей». При ней самые бурные заседания и ожесточенные дискуссии заканчивались мирно, и после ее выступлений, содержащих аргументированные оценки и весомые выводы, в большинстве случаев вновь воцарялась достойная академическая атмосфера.

Внешне всегда спокойная, держащаяся скромно, временами прелестно ироничная, Ирина Степановна пользовалась большим авторитетом в секторе и Институте, как человек и ученый. И не потому, что была старше многих сотрудников и принадлежала к группе бывших учеников академика Владимира Ивановича Пичеты (1879–1947), будущих институтских «аксакалов» (В.Д. Королюк, Г.Э. Санчук, И.Б. Греков, И.С. Миллер, М.А. Бирман), а потому, что она была во всех отношениях незаурядной личностью. Все это чувствовали и все с этим считались, начиная с С.А. Никитина. Он в своем отношении к сотрудникам-подчиненным выделял Ирину Степановну, никогда ее не «эксплуатировал» и не «давил» (это ее слова), не давал бесконечных заданий, как другим (Н.В. Зуевой, Е.М. Шатохиной, А.А. Улуяну, К.Л. Струковой), и не сковывал ее научные инициативы, признавая их целесообразность и право на существование.

В первые несколько лет моей работы в Институте у нас с Ириной Степановной не было возможности для тесных контактов. Во-первых, мы были в разных «возрастных группах» и поэтому присматривались друг к другу на расстоянии. Во-вторых, наши научные будни были наполнены интенсивным трудом. Ирина Степановна завершала и издавала свою монографию «Россия и балканский вопрос» (М., 1972), а затем готовилась к защите докторской диссертации (1973). Меня же сразу подключили к работе над советско-югославско-чехословацкой публикацией документов из архива М.Ф. Раевского, которая в эти годы шла по нарастающей — готовился к печати объемный труд «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975). Помимо этого в 1970-е годы меня очень часто привлекали к сопровождению югославских ученых, приезжавших в Москву по программе международного научного сотрудничества АН СССР. К тому же я начала работать над своей кандидатской диссертацией и старалась использовать любую возможность «приобщаться к науке» в архивах и библиотеках.

Из начала 1970-х годов вспоминается один яркий эпизод, связанный с Ириной Степановной. Однажды зимой она пришла в Институт в присутственный день в сногшибательно красивой новенькой дубленке — длинной, ниже колен, кремового цвета, с белой опушкой. Тут же все женщины сектора, забыв о научных и прочих проблемах, окружили ее, чтобы получше рассмотреть и потрогать это рукотворное чудо, такое редкое в повседневной советской жизни. Дубленка в то время была страшным дефицитом, в открытой продаже их не было. Наличие такой вещи в личном гардеробе свидетельствовало о достаточно высоком социальном статусе ее владельца, возможности у него заграничных командировок или о знакомстве в соответствующей торговой сети. Причем, в Москве зимой в основном встречались обладатели болгарских изделий. Но на Ирине Степановне была дубленка явно не из братской славянской страны, а уровнем повыше — это было видно даже невооруженным глазом. И она так ей шла, так молодила и стройнила ее. Мы, женщины, от души радовались за Ирину Степановну, а те мужчины, которые были в секторе, глядя на нее, одобрительно хмыкали. А потом, немного смущаясь, Ирина Степановна, обычно избегавшая в стенах Института

разговоров на бытовые темы, поведала (в несколько ироничном ключе) совершенно удивительную историю появления у нее этой не менее удивительной вещи. Оказывается, осенью того года (точно не помню какого, но в начале 1970-х годов) Ирина Степановна в составе делегации ученых Института востоковедения АН СССР приняла участие в международной конференции в Стамбуле — ее включили в группу как известного специалиста по истории Балкан и русско-турецких отношений в XIX веке. В Турции Ирина Степановна оказалась впервые в своей жизни. Конференция, по ее словам, прошла успешно, все прекрасно выступили с докладами, турецкие коллеги принимали «советских» на высоком «капиталистическом» уровне — коктейли, фуршеты, культурная программа, в которую было включено знакомство с достопримечательностями турецкой столицы. Но для наших людей, в том числе ученых, не менее важным было знакомство с местными магазинами, где что-то можно было купить из нужных, но отсутствующих в родной стране вещей. В делегации востоковедов присутствовали весьма опытные и практичные люди, прекрасно ориентировавшиеся в географии Стамбула и местоположении необходимых торговых точек, так как неоднократно во время своих зарубежных командировок посещали их с пользой для себя и своих родственников. И хотя в то время выезжающим за рубеж рублей на валюту меняли мало (всего 30), однако вместе с гонораром за выступление на конференции и будущую статью, выданным турками, их должно было хватить на кое-какие покупки. Ирине Степановне, согласно ее рассказу, повезло, потому что один из коллег-востоковедов (не помню его фамилию) прекрасно знал не только историю и географию Турции и особенно Стамбула, но обладал поистине бесценными сведениями о многочисленных недорогих магазинчиках, где можно было по очень низким ценам купить вполне приличные вещи. Этот знаток и организовал «поход за зипунами», т.е. за дубленками. В группу единомышленников входили несколько человек, в том числе и Ирина Степановна. Им было обещано, что турецких лир, имеющихся у них на руках, на покупку должно хватить, во что почти не верилось, по словам Ирины Степановны, так как в перерасчете это было всего около 60 рублей (в СССР бол-

гарская дубленка без переплаты стоила 300–400 рублей). Тем не менее никто не дрогнул и не отказался от экспедиции в неизведанное. До сих пор, когда я вспоминаю этот сюжет, слышу негромкий голос Ирины Степановны, с улыбкой рассказывающей «дубленочную» эпопею. Рано утром руководитель уверенно повел группу товарищей куда-то в глубь Стамбула. Надо сказать, что в то время в СССР на экраны уже вышел художественный фильм «Бриллиантовая рука», в котором по сюжету герой знаменитого актера Юрия Владимировича Никулина, советский турист, заблудился в бесконечном лабиринте стамбульских улочек и переулков. Он в отчаянии, потому что никак не может найти дорогу к своему теплоходу. «У меня лично, — рассказывала Ирина Степановна, — было такое же чувство. Просто голова шла кругом от многочисленных поворотов, которые тем не менее уверенно делал наш предводитель. Наконец мы очутились в казавшемся на первый взгляд безлюдном тупике у невысокого дома из серого камня, на первом этаже которого, судя по вывеске на двух языках (турецком и русском!), была какая-то лавчонка. Дверь была заперта, но после трехкратного (видимо условного) стука нашего главного бесшумно отворилась (детектив, да и только). Мы друг за другом вошли внутрь и очутились в крошечной комнатке без окон. Нас встретил хозяин, по виду восточный человек, но с легким акцентом говорящий по-русски. Он пошептался с нашим предводителем, судя по всему, его знакомым, и получил от него пакет, в котором оказались “ленинские” металлические рубли*. Ознакомившись с содержимым пакета (монет там, видно, было много), — продолжала свой рассказ Ирина Степановна, — довольный хозяин молча нас оглядел, спросил, какую дубленку, мужскую или женскую и какого размера, мы хотели бы приобрести, и, получив необходимые сведения, удалился в подсобку. Через некоторое время он вновь появился, но теперь уже с ворохом дубленок, среди которых была и “моя”. Глаз опытного продавца оказался на редкость верным — дубленка, как говорится, “села”,

* В 1970 г. в СССР, в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, были выпущены специальные юбилейные монеты достоинством в 1 рубль. По размеру они были значительно больше нынешних и смотрелись как медали. На одной их стороне была изображена голова вождя в профиль. Эти рубли пользовались среди иностранцев необычайной популярностью.

словно на меня была сшита. Остальные мои “товарищи по счастью” тоже были довольны, тем более, что наших денег действительно хватило на эту покупку, да еще осталось на мелкие сувениры».

Вот так и появилась в гардеробе Ирины Степановны турецкая дубленка, дубленка-мечта — легкая, теплая, красивая, просто загляденье. Но на этом ее история не закончилась. Поносив дубленку совсем недолго, Ирина Степановна подарила ее своей любимой племяннице Тане, посчитав, что ей она нужнее в ее молодой жизни. Через много лет та же дубленка, продолжая оставаться вполне приличной (даже после химчистки) и совсем не потеряв вида (как говорится, ей не было сносу), перешла от Тани к ее подруге из Ленинграда и продолжала радовать, если не красотой, то своей практичностью и теплом, еще одну женщину. Вот что значит турецкое качество!

Возвращаясь к нашим с Ириной Степановной отношениям, я хочу специально выделить 1975 год. Связано это с выдающимся событием в истории Балкан — столетием начала Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. (В СССР эта проблема была одной из ключевых в балканских исследованиях.) Готовиться к нему научная общественность в нашей стране начала заранее — издавались документы, печатались книги и статьи, в том числе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. А на осень этого года было запланировано проведение в г. Сараево (СФРЮ) международной научной конференции, на которую были приглашены и советские ученые.

Конференция состоялась и проходила 30 сентября — 2 октября в местечке Илиджа под Сараево (во время военных действий на этой территории в 1990-е годы оно было почти полностью разрушено).

С тех пор минуло больше четырех десятилетий, но, тем не менее, стоит мне только мысленно настроиться на «сараевскую волну», как тут же, стремительно пронесаясь по «коридору памяти», я вновь оказываюсь там, в далеком балканском городе, и погружаюсь в удивительную атмосферу, которая сложилась во время работы конференции и которую мне хотелось бы передать в своих воспоминаниях.

Из Советского Союза в Сараево отправилась довольно многочисленная по тем временам и представительная делегация во главе с академиком Алексеем Леонтьевичем Нарочницким, директором тогдашнего Института истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН). В нее входили: профессор МГУ, историк-югославист Виктор Георгиевич Карасев; ленинградский профессор Кирилл Борисович Виноградов, специалист по истории международных отношений; из нашего Института — будущий академик Юрий Алексеевич Писарев, Ирина Степановна Достян, Тофик Муслимович Исламов и я; в делегации также находился ответственный сотрудник Отдела науки ЦК КПСС Владимир Иванович Куликов — в качестве нашего куратора.

Все члены делегации, кроме Владимира Ивановича, подготовили для выступления доклады (через два года опубликованные) — по различным вопросам международной политики, русско-югославянских отношений и общественных связей периода Великого Восточного кризиса.

Недавно я перебирала старые фотографии (еще черно-белые) из своего фотоархива и, наткнувшись на «сараевские», вдруг остро осознала: из наших, советских ученых, бывших тогда на конференции, осталась одна я, других уже нет. Как это печально!

В Сараево (через Белград) мы прилетели поздно вечером 29 сентября. Югославские коллеги, организаторы мероприятия, очень тепло нас встретили, привезли в гостиницу на Илиджу, расселили по одноместным номерам и даже накормили в ресторане ужином.

На следующий день один за другим начали прибывать остальные участники конференции — из различных республик бывшей Югославии, а также из Болгарии, Австрии, Франции, ФРГ и ГДР, США и Турции (один делегат — Скендер Ризай). В холлах и залах гостиницы зазвучала многоязыкая речь, и как говорится, понеслось. Вернее, понеслись дни, до предела насыщенные заседаниями в нескольких секциях, дискуссиями, полемикой (иногда на повышенных тонах), неформальными встречами.

Всё было прекрасно организовано. Кормили нас трижды в день совершенно бесплатно в ресторане гостиницы (больше

ста человек) — за счет Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Заседания в секциях проходили в специально оборудованных под синхронный перевод залах. Даже не возбранялось, ввиду жары и духоты, выходить с аппаратурой в парк и там, сидя в тенистых аллеях на лавочках, слушать доклады. Фантастика!

На конференции мы, члены советской делегации, были заявлены со своими докладами в разных секциях: я вместе с Т.М. Исламовым, А.Л. Нарочницким, Ю.А. Писаревым и К.Б. Виноградовым — в секции по международным отношениям и внешней политике великих держав на Балканах в 1875–1878 гг. (здесь же присутствовал без доклада В.И. Куликов), а В.Г. Карасев и И.С. Достян — в секции по связям славянских народов в тот же период.

Уровень многочисленных докладов, насколько я могла судить тогда, был очень высокий. Да иначе и быть не могло — ведь в Сараево собрались ведущие специалисты из разных стран по истории югославянских земель и международных отношений в период Великого Восточного кризиса. Все доклады выслушивались с вниманием и большим интересом, затем задавались вопросы, и каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией.

Наша делегация была очень дружной и довольно заметной на конференции. Не только известные югославские историки (среди них — знаменитый академик Васа Чубрилович, Никола Петрович, Раде Петрович, Миомир Дашич, Милорад Экмечич и др.), уже имевшие в то время научные и дружеские связи с Ю.А. Писаревым, В.Г. Карасевым и И.С. Достян, но также представители других стран стремились в кулуарах пообщаться с советскими учеными. Ведь в 1970-е годы масштабные научные форумы проходили довольно редко, и всем хотелось использовать такую прекрасную возможность для личного общения и установления новых контактов. При этом я не могла не заметить, что среди научной общественности разных стран, прежде всего Югославии и Болгарии, Ирина Степановна пользовалась повышенным вниманием и уважением, даже пиететом. Во время конференции мы с ней общались мало, так как заседали в разных секциях, а жили в разных номерах. Встречи обычно происходили в ресторане, во время приема пищи, когда у всех появля-

лась возможность обмениваться текущей информацией. Да и то в основном «выступали» наши активные мужчины, с раннего утра и до позднего вечера пребывавшие в приподнятом настроении и острившие по любому поводу. Мы с Ириной Степановной за столом сидели рядом и, как правило, помалкивали, лишь изредка вставляя какие-то реплики. И всё это время я не переставала восхищаться ею — она держалась с таким достоинством, была, как всегда, доброжелательна и замечательно выглядела в своих скромных, элегантных нарядах. В ресторане и холле к ней часто подходили иностранные ученые, чтобы поприветствовать ее и выразить восхищение в связи с прочтением ее книги «Россия и балканский вопрос», которая в то время была уже известна специалистам, в том числе за границей. Даже сам Васа Чубрилович (в моем присутствии) во время одного из перерывов пожал ей руку и пробормотал что-то одобрителное — что именно, понять дословно было трудно (даже знающим сербский язык), ввиду прогрессирующего дефекта речи у знаменитого «атентатора».

Ирина Степановна прекрасно, по отзывам присутствовавших, выступила в своей секции с докладом о помощи российской обществу борющимся против турок славянам. Этой темой она специально не занималась, но подготовила свое выступление очень профессионально, используя уже существующую литературу и публикации источников, в первую очередь документальный труд «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1961–1968).

Во время конференции состоялось еще одно важное для нашей делегации событие — второе заседание советско-югославской Комиссии историков, созданной в Москве в 1974 г., проведению которого способствовало присутствие в Сараеве многих ее членов. С советской стороны председателем Комиссии был А.Л. Нарочницкий, сопредседателями — Ю.А. Писарев и В.Г. Карасев, я являлась ее секретарем. Очень важно было не только провести на должном уровне данное мероприятие, но и грамотно составить итоговый Протокол. Его содержание обсуждалось во время жарких дискуссий и неоднократно изменялось. В этом участвовали югославы и все наши «сараевцы». И тут помощь Ирины Степановны, авторитетного ученого и прекрасного редактора,

была очень важна. Это признавал даже академик Нарочницкий, весьма скупой на похвалы.

Наконец, после нескольких дней напряженной работы конференции, заседания, дискуссии, встречи, обмен литературой, а также банкеты-фуршеты, завершились. Судя по отзывам в кулуарах, все участники были очень довольны — тем, что встретились, пообщались, выступили со своими докладами, послушали коллег и в целом продемонстрировали, что такое научное сообщество. Теперь, после «трудов праведных», наступил черёд второй части мероприятия, которую замечательно гостеприимные и необыкновенно внимательные организаторы Конференции — сараевские ученые и функционеры — подготовили для зарубежных гостей. Нам предложили совершить экскурсию в Мостар, столицу тогдашней Герцеговины — город, известный специалистам по историческим романам, сочинениям известных югославских писателей, архивным документам. Все, конечно, были за и дружной «научной толпой» отправились за новыми впечатлениями...

В Мостаре всё было прекрасно — и экскурсия по достопримечательностям, и посещение знаменитого мемориала, посвященного памяти мостарцев, погибших во Второй мировой войне. Этот памятник на склоне горы произвел на всех неизгладимое впечатление: сотни белых плит в виде пней с именами героев — вот так же были подрублены беспощадной войной их молодые жизни. А вместо привычного для нас вечного огня — вечный источник журчал в центре мемориала. И какая-то особая тревожная тишина вокруг, и легкий ветерок, и живописный город внизу, хорошо видный с горы...

Из Мостара наши коллеги из других стран вернулись в Сараево, а мы «руси», как называли нас на конференции, отправились в Герцег-Нови, городок на Адриатическом побережье, куда нас пригласило на кратковременный отдых руководство Общества историков Черногории в лице Миомира Дашича и Радована Йовановича.

Путь в Черногорию был неблизок, но время пролетело как-то незаметно, чему в немалой степени способствовало наше радостное настроение в связи с теплой погодой и потрясающе красивым пейзажем по обеим сторонам дороги, достойным кис-

ти самых знаменитых художников. Мне очень хотелось, когда закончились мои обязанности секретаря и переводчика, быть поближе к Ирине Степановне. Она, со свойственной ей душевной чуткостью, понимала, как мне, молодой, неопытной и «необстрелянной» на международных форумах, было непросто находиться с раннего утра до позднего вечера «на людях» и в такой компании — среди солидных людей, в основном мужчин, со званиями, степенями, заслугами и особенностями характера, поэтому старалась во всем поддерживать меня. И это была не назойливая опека, а трогательная забота о моем благополучии. Это ее отношение я оценила позднее, всегда была благодарна ей и помню это до сих пор. И именно в Сараеве я поняла, какое же это счастье общаться с таким умным, интеллигентным, добрым человеком — никаких назиданий и замечаний, только советы, высказанные в предельно мягкой форме.

Хотя академик Нарочницкий, не знающий сербского языка, требовал, чтобы я при его беседах с черногорскими учеными находилась рядом — в машине, за столом в ресторане, на прогулке у моря, мне всё же удавалось в Герцег-Нови больше общаться с Ириной Степановной и я просто влюбилась в нее. Тем более, что мы с ней поселились в одном номере ведомственной гостиницы Академии наук и искусств Черногории. Она сама мне это предложила, с улыбкой заметив, что должна за мной присматривать, ввиду «горячности» черногорских мужчин. И я была ей безмерно благодарна, потому что знала — когда она рядом, всё будет хорошо.

Черногорские коллеги подготовили для нас замечательную культурную программу. В Государственном музее Черногории в Цетине (бывшем княжеском дворце) нас ждала очень содержательная экскурсия, во время которой мы увидели в витринах немало редких икон, церковной утвари и старинных книг, присланных в основном из России в XVII–XIX вв. Это было наглядным подтверждением давних российско-черногорских связей, историей которых активно занимались ученые в советскую эпоху, в том числе И.С. Достян.

В тот день мы побывали в Которе, в старой части города (правда, уже в темноте), бродили по узеньким, мощеным камен-

ными плитами улочкам, заглядывали в окна уютных домов под черепичными крышами, а потом вышли на широкую, пустынную площадь, освещенную тусклыми фонарями. Помню, как Ирина Степановна сказала мне, что у нее такое чувство, будто она очутилась в Средневековье, и я согласилась с ней.

Вернулись мы в тот день в Герцег-Нови, в гостиницу, ненадолго ставшую нашим домом, очень поздно. Но никто не жаловался на усталость. А некоторым приключений и впечатлений показалось недостаточно, и они жаждали продолжения. Речь идет о Юрии Алексеевиче Писареве, Тофике Муслимовиче Исламове и Кирилле Борисовиче Виноградове, которые ночью, «после отбоя», отправились купаться в Адриатическом море. Мы с Ириной Степановной пытались их отговорить, но наши уважаемые коллеги только отмахнулись от нас. «Поймите, дамы, — сказал Юрий Алексеевич, который уже всерьез “завелся”, — наверняка у нас в жизни уже не будет такой возможности — искупаться ночью в Адриатическом море под небом, усыпанным звездами. Поэтому нужно ловить момент. Кстати, — ухмыльнулся будущий академик, — как вам известно, и древние нас к тому же призывали!». «А акулы?» — попыталась возразить я. «А вам, Светик, я бы посоветовал поменьше смотреть по телевизору “Клуб путешественников”, — назидательно посоветовал мой шеф. — А что касается акул, то к вашему сведению, у берегов Адриатики их не бывает! И вообще, не мешайте нам активно отдыхать на природе, тем более за границей!». Остальные поклонники ночного купания его дружно поддержали.

Словом, в ту ночь им даже Адриатическое море было по колению. Я, по совету Ирины Степановны, всё-таки пошла с этой компанией на берег, чтобы сторожить их одежду и главное — заграничные паспорта, которые, согласно инструкции, должны были быть всегда с нами. И в ночной тишине я слышала, как где-то далеко в море мои коллеги оживленно обсуждали итоги прошедшей в Сараеве конференции...

Без преувеличения можно сказать, что «Сараево–1975» для всех членов нашей делегации явилось ярким и очень важным во всех отношениях событием. И главное — оно сдружило и сплотило нас в некое братство. Правда, связь с работником ЦК

КПСС В.И. Куликовым вскоре была утеряна, но остальные «сараевцы» стали друзьями на долгие годы, независимо от возраста, званий и занимаемых должностей.

А теперь, после «сараевских» воспоминаний, я хотела бы вернуться немного назад и рассказать об институтской атмосфере 1970-х годов, какой я ее застала. Не могу не подчеркнуть, что в формировании этой атмосферы значительная роль, на мой взгляд, принадлежала И.С. Достян и ее друзьям, тем, которые были первыми, т.е. пришли в Институт в конце 1940-х — начале 1950-х годов. А в 1970-х жизнь в Институте, и научная, и общественная, насыщенная разными событиями и мероприятиями, что называется, была ключом, и мы, тогдашняя молодежь, ощущали это в полной мере.

Не будет преувеличением сказать, что в советском обществе тех лет был очень высок авторитет науки. А обрести статус академического ученого представлялось для молодых выпускников вузов весьма престижным и привлекательным, ибо он означал интересную, творческую работу по специальности в коллективе образованных, в большинстве своем, талантливых людей, приобщение к «большой науке» и благоприятные условия для подготовки и последующей защиты кандидатской диссертации. И затем — достойная зарплата, перспектива научного роста, особый, щадящий, график работы (присутственные дни), возможность командировок по Союзу и даже за границу. В общем, «попавшие» в академические Институты после МГУ и зачисленные в штат считали себя «счастливчиками» и «баловнями судьбы», по сравнению с однокурсниками, ставшими после получения университетского диплома учителями средней школы, экскурсоводами или сотрудниками «Интуриста». Эти же чувства испытывала и я. Поначалу, конечно, было непросто — приходилось многому учиться, тому, что мы не «проходили» в Университете, в первую очередь, работе в архивах. Вот почему так важны были помощь и поддержка представителей старшего поколения — образованных, умных и опытных профессионалов. И, разумеется, их пример во всём, прежде всего в научном творчестве. Очень помогало нам, молодым, также участие в обсуждении подготовленных сотрудниками трудов — статей, монографий, публикаций архивных

документов, диссертаций. Это был для нас превосходный «мастер-класс», хотя такого слова в то время в обиходе еще не было. И мы с удовольствием и энтузиазмом всему учились — правильно читать и редактировать научные тексты, анализировать источники и литературу, обобщать и формулировать выводы, а затем — готовить рукописи к печати и работать с издательскими редакторами. Публикации научных трудов в советскую эпоху были не так часты, как хотелось бы, и в разы меньше, чем сейчас, в эру «наукометрии». Тогда главным считалось качество, а не количество и не число ссылок.

Мне очень повезло, что я начала свою трудовую деятельность в коллективе, где служили НАУКЕ настоящие ученые и среди них — Ирина Степановна Достян. Я читала все ее статьи, рецензии, монографии и разделы в коллективных трудах, которые она писала в 1970–1980-е годы, и всякий раз восхищалась их стилем, логикой изложения материала, знанием огромного числа фактов, не говоря уже о документальной основе. Но не меньше я восхищалась тем, что она оставалась при этом скромной, милой, доброжелательной и никогда не позволяла себе (даже во время бурных дискуссий) негативных оценок и резких высказываний в отношении своих коллег и их трудов — будь то заседание сектора, Ученого совета Института или международной редколлегии.

Но наша институтская жизнь тогда, в далекую уже советскую эпоху, состояла не только из заседаний, докладов, работы в архивах и библиотеках. Наше научное сообщество умело и коллективно «расслабляться». Незабываемыми были секторские посиделки, в которых, конечно, принимала участие и Ирина Степановна. Они проходили по самым разным приятным поводам: юбилеи и просто дни рождения сотрудников, государственные праздники, День Победы и Новый год, выход трудов из печати, защиты диссертаций и повышение оклада в связи с новой должностью, возвращение из зарубежных командировок (с обязательной дегустацией привезенного заграничного вина), чествование иностранных коллег и т.д. Кстати, именно на данном поприще произошло мое «боевое крещение» вскоре после зачисления на работу. В июне 1971 г. в секторе отмечалось 70-летие профессора Никитина, и меня привлекли к покупке продуктов и вина

к праздничному столу. Это было мое первое задание в секторе, с которым я успешно справилась, получив одобрение старших коллег: «Наш человек!».

На вышеуказанных, не таких уж редких, мероприятиях обычная сдержанность и серьезность ученых уступали место шумному веселью, доброму юмору, остроумным шуткам. Это было удивительное общение единомышленников на каком-то высоком, духовном уровне, которое сближало и сплавляло, приносило радость, укрепляло дружеские связи и коллектив в целом. В качестве тамады на наших посиделках чаще всего блистал сам зав. сектором Ю.А. Писарев. И такое это было для меня счастье видеть всех этих умных людей, известных ученых улыбающимися, с искрящимися глазами...

Иногда секторские посиделки проходили не в здании Института в Трубниках, а у кого-нибудь из сотрудников дома. Из тех, что устраивала Ирина Степановна в 1970–1980-е годы, вспоминаю две, по случаю дня ее рождения: первая в ее прежней квартире, где-то у метро «Павелецкая», и вторая — на ул. Вавилова, 48. В дом к ней приглашались не все, а только те, кого она считала своими друзьями, и я гордилась, что была в их числе. Принимали нас на самом высоком праздничном уровне. Как говорил Ю.А. Писарев, за такой роскошный стол — с пирогами, вкуснейшей едой, разными деликатесами, а также с армянским коньяком и шампанским — можно было пригласить и русского императора, и английскую королеву (у Елизаветы II и Ирины Степановны день рождения был 21 апреля).

У Ирины Степановны не было мужа и детей, она жила со своей мамой Екатериной Морисовной. В доме на улице Вавилова они путем обмена объединились с семьей младшей сестры Ирины Степановны — Марины Степановны. В то время она была уже не только матерью дочери Татьяны, но и бабушкой двух внуков — Павла и Кати (а затем стала и прабабушкой — у Павла и его жены родилось двое детей, Мария и Дмитрий).

Благодаря своей замечательной маме, взявшей на себя большинство бытовых нагрузок и проблем, Ирина Степановна могла спокойно заниматься наукой. Нет, она не была белоручкой и всё умела делать — прекрасно готовила, пекла вкуснейшие пироги

и торты, убирала квартиру, добывала, как все тогда, продукты в магазинах и т.д. Но помощь мамы, конечно, была бесценна. У них был очень уютный, гостеприимный дом. Две изолированные комнаты, большая кухня-столовая, откуда неслись умопомрачительные запахи — это Екатерина Морисовна готовила обед, которым она кормила и тех, кто приходил к Ирине Степановне по делу. В числе «счастливчиков» несколько раз была и я. Впечатления от этих визитов и общения с Екатериной Морисовной у меня остались на всю жизнь. Мне казалось, что она не моя современница, а дама из XIX века: хрупкая, красивая, воспитанная, интеллигентная, элегантная, моложавая (даже в 90 лет), очень добрая и какая-то одухотворенная. Так и слышу ее ласковый голос: «Девочки, мойте руки, пора обедать!» («Девочки» — это мы с Ириной Степановной.) А за столом, помимо вкуснейшей еды, — неспешный разговор обо всём на свете, и ощущение, что ты — среди родных людей, которым не безразличны ни ты, ни твои мысли, ни твоя жизнь.

Из воспоминаний 1980-х годов. В это время из здания в Трубниковском переулке наш сектор переехал на Ленинградский проспект, 7, рядом с Белорусским вокзалом. Наша комната на первом этаже, расположенная в непосредственной близости от Дирекции, была просторной, с огромными окнами и очень высокими потолками. Замечательно было то, что мы, историки, были здесь уже одни, без литературоведов. К тому же часть сотрудников покинула сектор и обосновалась в отдельном помещении — приказом Дирекции была создана специальная группа общевосточных проблем во главе с В.Н. Виноградовым. Ирина Степановна, несмотря на свои «балканские» научные интересы, отказалась туда перейти, оставшись с нами, «писаревцами», и мы ей были за это очень благодарны.

С конца 1970-х годов наш сектор постепенно расширялся и «омолаживался», появились новые сотрудники и аспиранты. Некоторых своих коллег старшего поколения к тому времени мы уже проводили в последний путь...

А жизнь, в том числе научная, продолжалась. Мы по-прежнему много и увлеченно работали в библиотеках и архивах — готовили публикации документов, собирали материал для статей,

книг, диссертаций. Словом, обычные, очень приятные и совсем не скучные будни академического ученого. В Архиве внешней политики России мы часто встречались с Ириной Степановной. Издав в 1980 г. свою третью и последнюю монографию, она, по воле Дирекции, переключилась на коллективные труды (о чем я подробно рассказала в статье «Скромный корифей балканистики»).

Время уносило за собой год за годом. Ирине Степановне было уже за шестьдесят — возраст солидный. И хотя другие сотрудники, достигнув пенсионного возраста, были вынуждены, по настоянию Дирекции, уходить на «заслуженный отдых», чтобы уступить дорогу в науку молодым (так как новых ставок Институту не выделялось), к Ирине Степановне это «правило» не относилось. Тем более, что она была в прекрасной творческой форме, создавая один шедевр за другим. И выглядела она замечательно — совсем не менялась.

Из этого времени я с особенным удовольствием вспоминаю наши ленинские субботники, проходившие в Институте, как и по всей стране, в конце апреля, в честь дня рождения В.И. Ленина. Они заключались, главным образом, в наведении порядка в секторской комнате (разбор шкафов, уборка, мытье окон). В моем фотоархиве есть замечательный, очень дорогой для меня снимок с одного такого мероприятия. На нем Ирина Степановна с тряпкой в руках — тщательно вытирает пыль со столов. Во второй половине дня, ближе к вечеру, мы обязательно устраивали застолье и под главенством нашего шефа Ю.А. Писарева дружески общались. Да, чудесное, незабываемое было время!

С начала 1987 г. мой статус в Институте изменился — я была назначена зав. отделом аспирантуры. Формально я осталась в составе сектора новой истории балканских народов и продолжала свои исследования по истории российско-сербских отношений после Берлинского конгресса 1878 г., но главной моей обязанностью теперь была работа с институтской молодежью, работа интересная, несомненно творческая и очень важная. Помню, как тогдашний директор Института Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) сказал мне при вступлении в новую должность: «Помните, что после меня в коллективе самым главным чело-

веком является руководитель аспирантуры, потому что именно он отвечает за будущее Института». Насчет «главности» это, конечно, было преувеличением — я понимала, что таким образом он меня подбадривал, предвидя ожидавшие меня трудности. Действительно, работа была не из легких, прежде всего ввиду многочисленности моих подопечных — 50 аспирантов и 20 соискателей. Облегчало общение с ними то, что мне был выделен небольшой, но зато отдельный кабинет (чего раньше не было) в новом институтском здании на Ленинградском проспекте, 7. Теперь в «родном» секторе я бывала редко, так как в присутственные дни с утра до вечера ко мне, как говорится, «шел народ» — и аспиранты, и их научные руководители. С Ириной Степановой мы виделись тоже нечасто. Иногда она заходила ко мне в кабинет, по ее выражению, «на огонек», и наступали блаженные минуты (часов не получалось) незабываемого общения. Для меня они были как «живая вода», ни с чем не сравнимые жизненные моменты. Я чувствовала, что Ирине Степановне тоже было приятно поговорить со мной о чем-то текущем, злободневном, что-то вспомнить, что-то обсудить, чем-то поделиться. Тем более что в стране всюду шла перестройка, ломался привычный уклад, политическая жизнь бурлила, и академические ученые не стояли от нее в стороне. В Институте в конце 1987 г. тоже произошли перемены: демократическим путем впервые был избран новый директор — Владимир Константинович Волков (1930–2005). В это время часто происходили всевозможные общеинститутские собрания — производственные, партийные, профсоюзные. Иногда они заканчивались очень поздно. Помню, как однажды, выйдя из здания Института после одного из таких мероприятий после 11 часов, мы, Ирина Степановна, Юрий Алексеевич Писарев и я, поймали такси на троих, так как жили все на Ленинском проспекте, а мои ветераны даже в соседних домах. Очень уставшие за целый день, мы тем не менее всю дорогу пребывали в прекрасном настроении, особенно благодаря остроумным шуткам нашего неугомонного шефа, в том числе по поводу только что прошедшего собрания, а также выступлений некоторых наших коллег.

В 1990 г. наш Институт вновь сменил место «прописки», и объединенный теперь коллектив, ранее «приписанный» к раз-

ным адресам, оказался в новом, прекрасном здании на Ленинском проспекте, 32-А — благодаря усилиям и связям избранного нами директора В.К. Волкова. Помню, как нашими кабинетами, холлами, столовой и рестораном на 22-м этаже восхищались наши зарубежные коллеги, приезжавшие в Институт в 1990-е годы. А мы с энтузиазмом там устраивались, не веря своему счастью, благославляя новые демократические порядки, благодаря которым в этом «дворце науки» справляли новоселье не члены Президиума Академии наук с многочисленным аппаратом, для которых он вначале и предназначался, а ряд научных институтов, в том числе и наш.

И при новой Дирекции Ирина Степановна сохранила свой статус одного из лучших и авторитетных специалистов по истории Балкан, и по-прежнему, к нашей великой радости, не было никаких разговоров об ее уходе на пенсию. Мы, ее младшие коллеги и друзья, ликовали, что Ирина Степановна остается с нами, всегда готовая помочь в работе, поддержать и, если надо, защитить. Это ведь так важно, особенно в трудные времена, чтобы рядом был такой человек. А времена были ой какие трудные — памятные многим девяностые годы. Рядовые академические ученые пережили их с большим трудом. Как говорит одна моя подруга: «Давайте о чём-нибудь другом — не хочу о них вспоминать!». Нынешняя институтская молодежь поражается и недоумевает, внимая нашим рассказам о том, что мы по полгода не получали зарплату, а однажды нам ее выдали из государственных стратегических запасов... банками тушенки (!). Не менее для нынешних молодых удивительно, что подготовленные научные труды не издавались — у Института не было на это средств, и что сотрудники, вместо работы в библиотеках и архивах, были вынуждены подрабатывать, где только возможно, а многие, в поисках «лучшей доли», уходили из Института и вообще из профессии. И когда «неушедшие» задавали институтским «аксакалам», как и в прошлые века, вопросы: «Что делать?» и «Как дальше жить?», то часто слышали от них, наших уважаемых мудрецов, в ответ: «Потерпите, друзья, всё наладится». Так же отвечала нам и Ирина Степановна, старавшаяся, как могла, подбодрить нас, хотя ей, конечно, было очень тяжело, в атмосфере тогдашней общей

неопределенности бытия, видеть, как рушится академическая наука, которой она отдала бóльшую часть своей жизни.

Но эти моменты действительно не хочется вспоминать, тем более, что в памяти остались эпизоды, возможно, незначительные, не ключевые, не глобальные, но согревавшие душу тогда, а сейчас — милые и дорогие вдвойне.

С конца 1980-х годов наш шеф Ю.А. Писарев, ставший сначала членом-корреспондентом, а затем и академиком РАН, начал прихварывать. Болезни буквально обступили его. Он лечился, неоднократно лежал в академической больнице, а затем проходил реабилитацию в санатории «Узкое». Но при этом, уже не будучи зав.сектором, он продолжал интенсивно работать — писал одну монографию за другой по своей любимой теме «Первая мировая война и Балканы». В это время мне часто приходилось выполнять его просьбы — привезти из библиотеки ИНИОН заказанные им книги и журналы, сдать туда же прочитанные, напечатать для него какие-то тексты, сделать ксероксы и т.д. Часто я бывала у него и дома, и в больнице, и в санатории. И вот однажды (в самом начале 1990-х годов), когда Юрий Алексеевич в очередной раз вернулся из больницы, я приехала к нему домой на ул. Дмитрия Ульянова, 19, и после каких-то деловых разговоров мы решили выпить чаю. Дело было днем, и он вдруг предложил позвонить Ирине Степановне, которая жила в соседнем доме, и пригласить ее в нашу компанию, чтобы было веселее, по его словам. Ирина Степановна с энтузиазмом откликнулась на данный призыв и минут через десять пришла, да не с пустыми руками, а с целым пакетом всевозможных яств и с пирогами (!). Это была настоящая роскошь в то время, для большинства людей скудное и даже голодное. И у нас, вместо обычного, заурядно-скромного чаепития, состоялся настоящий пир — с югославским вином (у академика был припрятан приличный запас) и вкуснейшей едой. Как в лучшие времена, мы пребывали в чудесном настроении, вспоминали наши сараевские и черногорские приключения в 1975 г. и много других приятных событий из институтской и секторской жизни. Юрий Алексеевич был, что называется, «в ударе» — ну просто «фейерверк остроумия», как мы раньше его называли. Он так и сыпал анекдотами и остротами, иронизировал, подшучивал над

нами. Но мы не обижались, а только радовались, что мы вместе, что у него сегодня, видимо, ничего не болит, раз он так «разошелся». В общем, день был просто незабываемый! Больше мы в такой компании не собирались. Болезни стали одолевать Юрия Алексеевича всё сильнее, и 11 марта 1993 г. он скончался. Но мы его никогда не забывали и часто вспоминали. Вспоминаем и сейчас...

В 1990-е годы Ирина Степановна продолжала творчески работать — писала статьи и разделы для коллективных трудов. Мы по-прежнему встречались с ней в Институте, часто перезванивались, дружески беседовали — тем было много. К тому же в это время она стала научным руководителем аспиранта Ярослава Вишнякова. Ныне он доктор исторических наук, профессор МГИМО, известный в России и за рубежом специалист по истории Сербии и русско-сербских отношений конца XIX — начала XX вв. В годы его учебы Ирина Степановна часто заходила ко мне в кабинет, чтобы уточнить сроки сдачи им экзаменов, проверить правильность заполнения различных документов, в том числе при переаттестации, и т.д. Она была очень ответственным научным руководителем и сделала всё, зависящее от нее, чтобы ее подопечный вовремя написал диссертацию (по истории Черногории и русско-черногорских отношений в период правления митрополита Петра II Петровича Негоша и князя Данилы) и успешно защитился. Сейчас Ярослав, ставший уже Ярославом Валериановичем, часто приходит в наш Институт — общается с коллегами, дает консультации, участвует в научных конференциях. Он очень симпатичный, обаятельный, остроумный человек, сохранивший и в зрелые годы какой-то юношеский задор. И всякий раз, когда мы встречаемся с Ярославом, я вспоминаю Ирину Степановну, наши разговоры по поводу этого ее последнего аспиранта, ее беспокойство за его научную судьбу и опасения, что он в сложившихся обстоятельствах может «уйти из науки» и избрать для себя иное, более выгодное в материальном отношении поприще. К счастью, этого не случилось — Ярослав стал прекрасным преподавателем и ученым, автором замечательных научных трудов, авторитетным рецензентом многих диссертаций и оппонентом на их защитах. Без сомнения, Ирина Степановна была бы им довольна.

В 2005 г. новым директором нашего Института стал другой, более «ранний» ученик Ирины Степановны — Константин Владимирович Никифоров, который был ее аспирантом в 1980-е годы. Она не скрывала своей радости, что именно он победил в результате выборов. Хотя и сетовала при этом, что Костя, как она его называла, такой талантливый ученый, современно мыслящий, эрудит, прекрасно знающий историю Балкан XIX–XX вв., архивы и новейшую литературу по многим проблемам, став руководителем Института, из-за своих многочисленных обязанностей не сможет уделять должного внимания научным исследованиям. «Конечно, время теперь такое, нужно думать не только о науке, но и о карьере, — говорила Ирина Степановна, — но всё же жаль». Она поддерживала большинство научно-организационных нововведений Дирекции, особенно курс на «омоложение» коллектива, считая его необходимым и давно назревшим этапом в развитии Института. Вопрос об уходе на пенсию был, конечно, очень болезненным для сотрудников старшего поколения, в том числе и для Ирины Степановны. С одной стороны, она не могла представить себя вне Института, который стал ее судьбой и в котором фактически прошла вся ее жизнь после окончания Университета, а, с другой, понимала, что «момент настал», по ее словам. «Я должна решиться и сделать этот шаг сама», — говорила Ирина Степановна. Она прекрасно понимала, что Константину Владимировичу, ее бывшему ученику и дорогому для нее человеку, неудобно и неприятно просить ее об этом. И вот однажды, когда я была у нее дома, она протянула мне конверт, в котором, как оказалось, лежало ее заявление об уходе из Института, и попросила передать его в Дирекцию. При этом, сдерживая эмоции, она сказала: «Что ж, всему хорошему когда-нибудь приходит конец. Постараюсь не огорчаться. Как говорил в таком случае наш Ю.А. (Писарев. — С.Д.), уход на пенсию — это еще не уход из жизни».

Как жила Ирина Степановна в свои «постинститутские» годы? В это время ее мамы уже не было — Екатерина Морисовна скончалась, прожив 101 год (!). Но в доме она была не одна — в нем на правах привилегированной особы жил черный кот-красавец Сенечка, обожавший свою хозяйку. Всё лето Ирина Степановна проводила на подмосковной даче со своими родственника-

ми — семьей сестры Марины. А в остальное время пребывала в Москве — что-то читала, что-то писала, хотя время от времени огорчалась, что потеряла интерес, нет, не к науке, а к научным занятиям. Константин Владимирович, навещавший ее, убеждал Ирину Степановну писать воспоминания из истории Института и о тех академических и институтских деятелях, которых она знала. Однако это предложение не вызвало у нее энтузиазма, хотя о своем учителе, академике Владимире Ивановиче Пичете и о семинаре-«пичетнике», который она посещала у него дома в 1940-е годы вместе со своими друзьями и коллегами, молодыми сотрудниками Института, Ирина Степановна написала прекрасный очерк «У истоков» (опубликован в сборнике «Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения». М., 2007).

В последние несколько лет жизни Ирины Степановны я довольно часто бывала у нее дома. В Институт она уже не приходила, потому что не могла этого физически — на даче упала и сломала шейку бедра. Ей сделали операцию, после которой она долго восстанавливалась и передвигаться отныне могла только на специальных «ходунках». Уход за ней обеспечивали преданные родственники — сестра и племянница. Мы, бывшие коллеги, как могли, поддерживали Ирину Степановну, которую по-прежнему интересовали институтские дела, старались привлечь ее к участию в разных проектах. Но ей это было уже не по силам, хотя какие-то задумки у нее были, например, написать историю Сербии (с древности до середины XIX в.). Она мне даже показывала кое-какие подготовленные тексты. К сожалению, этот проект не был осуществлен, так же как задуманный нами вместе труд об изучении в отечественной историографии проблемы «Россия и Балканы в XVIII–XIX вв.».

Бывая у Ирины Степановны, я всякий раз ощущала на себе какое-то необыкновенное тепло ее дома. Наверное потому, что это был ее дом. Мебель в комнатах была не антикварная и не новомодная, но добротная, еще из советских времен. В кабинете у окна стоял письменный стол, самый обыкновенный, как говорится, видавший виды. Но для меня он был подлинной достопримечательностью — ведь именно за ним рождались «балканские»

труды Ирины Степановны, которые она создавала в течение десятилетий и которыми так восхищались ее коллеги. Именно за этот стол много лет подряд Ирина Степановна садилась по утрам и работала — читала, писала, размышляла. На столе всегда лежали рукописи, тетради с выписками из архивных документов и книг, специальная литература, стояла портативная пишущая машинка. Вдоль стен до потолка возвышались массивные шкафы с книгами (на разных языках), энциклопедиями, словарями. А еще в кабинете стоял небольшой столик, за которым мы сидели с Ириной Степановной, когда беседовали, обменивались новостями или обсуждали какие-то научные вопросы. Очень часто на этом столике, среди рукописей или на рукописях, лежал кот Сенечка и, прислушиваясь к нашим разговорам, громко мурлыкал, словно одобрял наши занятия.

После деловой части моего визита обязательно следовал обед. Его готовила сама Ирина Степановна — из тех продуктов, которыми снабжали ее племянница Тanya и ее муж Андрей. На кухне было так же уютно, как и во всем доме. Ирина Степановна, несмотря на свои недуги, тщательно поддерживала порядок, заведенный ее мамой: красивая посуда, вкусные блюда, сок или морс, какой-нибудь десерт и обязательно приятная застольная беседа. Каждый такой день, проведенный с Ириной Степановной, был для меня подарком судьбы и навсегда остался в памяти.

Во время этих визитов я старалась своими разговорами повеселить Ирину Степановну, потому что довольно часто она стала говорить о приближающейся смерти. А однажды подарила мне бусы, самые обычные, не драгоценные, достав их из своей шкатулки с украшениями. «Это на память обо мне, Светочка, — сказала она. — Лет-то мне уже немало, скоро девяносто, если доживу, конечно». Меня такое ее настроение очень огорчало. Я искренне убеждала ее в том, что у нее замечательная наследственность да и после операции она уже почти восстановилась, что все ее любят и она всем нужна, к тому же планы научные нужно выполнять. «Ирина Степановна, — говорила я, — девяносто, разве это достижение для такого, как Вы, корифея и живого классика балканистики? Вот сто лет — это да! И всего-то осталось ничего — чуть больше десяти лет. Вы, Ирина Степановна, только

представьте: на календаре 21 апреля 2020 г. Английская королева (дай Бог ей здоровья и долголетия) отмечает свое 94-летие. Дата, конечно, значимая, для британцев радостная, но всё же не круглая. А тем временем в Институте славяноведения Российской академии наук, возглавляемом Вашим любимым учеником Константином Владимировичем Никифоровым, в ознаменование Вашей круглой даты, в Вашу честь и в Вашем обязательном присутствии мы проводим международную научную конференцию. Вы — нарядная, с красивой прической, взволнованная всеобщим вниманием и любовью, сидите в президиуме нашего зала заседания возле вазы с цветами и рядом с директором. А в зале — Ваши многочисленные коллеги и последователи разных поколений, в том числе и молодые, которые никогда Вас раньше не видели, но читали Ваши статьи и книги и учились на них быть историками-балканистами. В начале заседания, — продолжала я мечтать, — речь пойдет о Вашей научной деятельности, феноменально долгой и плодотворной, а также о Вашей выдающейся роли в истории Института. Затем последуют доклады участников конференции, дискуссии, а в конце дня, как положено, — дружеский банкет. Вот это день рождения — просто супер! Ну, что Вы на это скажете?». В ответ Ирина Степановна весело рассмеялась (я была очень рада). «Скажу, — улыбнулась она, — что Вы — потрясающая оптимистка и фантазерка. Какие сто лет, тут бы до девяносто дожить. Только я Вас очень прошу, Светочка, никакой конференции в связи с моим 90-летием не организовывать. Это нескромно. А банкет мы обязательно проведем, если конечно, юбиляр будет жив и сможет передвигаться», — вздохнув, добавила она.

К счастью, она дожила. И получила много поздравлений, комплиментов, цветов и подарков, главным из которых, по ее признанию, был прекрасно изданный сборник «В “интерьере” Балкан» в твердой бордовой обложке — с ее цветной фотографией, «научным портретом», библиографией трудов и статьями коллег, которые основное внимание уделили проблемам российско-балканских связей, т.е. тематике, занимавшей лидирующее место в широком спектре научных интересов Ирины Степановны. По инициативе, при помощи и финансовой поддержке директора

Института К.В. Никифорова (он стал ответственным редактором) мы готовили эту книгу почти целый год, чтобы она «поспела» точно к юбилею. Ирина Степановна была в курсе нашего замысла, но ничего не знала о конкретном содержании будущего издания. Единственное, о чем она попросила, это чтобы я, как автор ее «научного портрета», ознакомила ее заранее с этим текстом. Помню, как я приехала к ней со своим уже готовым «творением» и очень волновалась. «Портрет» получился весьма объемный, и читать его вслух Ирине Степановне мне пришлось долго. В целом она осталась довольна, отметив, правда, что я ее слишком возвеличила и превознесла, ведь она — самый обыкновенный историк со скромными заслугами, просто всю жизнь старалась добросовестно делать то, к чему с юности чувствовала интерес и призвание. То есть мой «скромный корифей балканистики» оставался верен себе и накануне своего 90-летия. И еще Ирина Степановна добавила, что я в отношении нее слишком субъективна, ввиду нашей дружбы, а другие могут думать о ней иначе и не так восторженно оценивать ее труды. Я предвидела это, поэтому при подготовке своей статьи, ввела в текст специальную рубрику «Дополнительные штрихи к портрету Ирины Степановны Достян», в которой были представлены краткие, но емкие ответы от друзей и коллег разных поколений (около 20 человек) на три вопроса: 1. Что вы можете сказать о трудах И.С. Достян? 2. Что вы можете сказать о И.С. Достян? 3. Что бы вы хотели пожелать И.С. Достян в связи с ее юбилеем? То есть, я разделила «ответственность» за «восхваление и возвеличивание» Ирины Степановны с коллективом. Разумеется, заранее эти ответы я ей не читала, так что для нее это был сюрприз, неожиданный и очень приятный, потому что коллеги в своих коротких ответах выразили и свое уважение к Ирине Степановне, и восхищение ее трудами, и благодарность за ее поддержку, мудрые советы и помощь, а напоследок пожелали ей жить как можно дольше, продолжать творить на радость всем и процветать.

Помимо сборника, к юбилею Ирины Степановны мы подготовили фотомонтаж на большом листе ватмана, где поместили ее фотографии, начиная с самых «молодых». Он сначала красовался в холле восьмого этажа здания на Ленинском проспекте, 32-А

(все сотрудники приходили на него посмотреть), а затем переместился к ней домой — в ее кабинет рядом с письменным столом.

А сам день рождения нашего дорогого юбиляра мы отметили просто замечательно, хотя и не в Институте — Ирина Степановна этого не захотела. Гости (всего около 20 человек) — сотрудники Отдела и некоторые институтские ветераны, которых она сама выбрала, были приглашены в уютное кафе, недалеко от метро «Профсоюзная». Родственники Ирины Степановны всё прекрасно организовали. А мы, гости, постарались, чтобы она во время этого банкета почувствовала, как мы ее любим и как мы рады поздравить ее с такой солидной датой. Один за другим звучали тосты, было много цветов и разных подарков. Но главное — наш директор Константин Владимирович Никифоров торжественно преподнес ей экземпляр (пока единственный) того самого сборника «В “интерьере” Балкан», который мы издали в ее честь. И прижимая его к груди, Ирина Степановна не скрывала, как она счастлива. Отныне, как она призналась мне, этот наш подарок стал ее любимой книгой. Ирина Степановна всё время читала и перечитывала статьи, опубликованные в сборнике, и была очень признательна их авторам. А когда был отпечатан весь тираж, Константин Владимирович выделил для Ирины Степановны еще 20 экземпляров, которые она с удовольствием дарила своим родственникам и знакомым.

На следующий год 21 апреля мы поздравляли Ирину Степановну уже с 91-м днем ее рождения и желали ей здоровья, бодрости и еще долгих лет жизни. В ответ она улыбалась и качала головой: «Как получится».

А потом умерла тяжело болевшая ее любимая сестра Марина, и это был тяжелейший удар для Ирины Степановны. Бывая у нее, я видела, как глубоко переживает она утрату, ведь Марина была для нее не только родным по крови, но и духовно близким человеком, лучшей подругой.

А перед самым Новым 2012 годом Ирина Степановна позвонила мне, поздравила с наступающим праздником и сообщила, что ложится в академическую больницу — ей нужно пройти диспансеризацию, и сейчас там освободились места, потому что много народа выписалось. «Но мы обязательно встретимся

с Вами, Светочка, уже в новом году, когда я вернусь домой, — бодрым голосом сказала она. — А восьмого марта я приглашу Вас и Искру (Искру Васильевну Чуркину. — *С.Д.*) в гости — отметим женский праздник и устроим вечер воспоминаний».

Но больше мы уже не увиделись — 2 января мне позвонила племянница Ирины Степановны и сказала, что она скончалась. И всё. Вспоминать о том, что было потом, нет сил...

Иногда я делилась с Ириной Степановной какими-то своими переживаниями, и она, внимательно и участливо выслушав мои «стенания», всякий раз как-то быстро успокаивала и подбадривала меня. Так и слышу ее тихий голос: «Всё будет хорошо, Светочка». И до сих пор в трудные минуты моей жизни я повторяю эти ее слова: «Всё будет хорошо». Конечно, будет, Ирина Степановна, вот только Вас не будет со мной, со всеми нами. Никогда. И остается только смотреть на Вашу фотографию, на которой Вы улыбаетесь своей чудесной улыбкой и с которой никогда не исчезнете, как и из нашей памяти...

Когда-то Вы, Ирина Степановна, учили меня и других молодых «правильно» писать статьи. «Не забывайте о заключении, — говорили Вы. — Оно должно быть кратким, но весомым, интересным, подводящим итоги и нацеленным на будущие исследования». Уж не знаю, выполню ли я все Ваши указания, но вот как я хочу заключить свои воспоминания о Вас.

Мы всё-таки провели ее, конференцию, посвященную Вашему столетию, хотя и без Вас и не в апреле, как планировали, а в декабре (из-за пандемии коронавируса — новой напасти на человечество). Действо проходило в актовом зале на девятом этаже, в котором Вы, Ирина Степановна, много раз присутствовали на заседаниях Ученого и Диссертационного советов и который очень любили, потому что были здесь среди «своих», да и вид из окон там на Москву бесподобный. Часть участников конференции присутствовала в зале (в том числе Константин Владимирович, я, Марина Михайловна Фролова, моя сестра Татьяна Ивановна Чепелевская, наша отдельская молодежь). Остальные (около 20 человек, среди них две болгарки) участвовали онлайн, т.е. были у себя дома, но чудо-техника позволила быть им здесь и сейчас. Всё прошло прекрасно!

В последние годы своей жизни Вы, Ирина Степановна, очень беспокоились о судьбе науки в целом и нашего Института, в частности, а еще о его «омоложении». Так вот, с наукой, конечно не всё в порядке, трудностей, как всегда, немало (хотя они иные, чем были при Вас). Но при этом славяноведение с балканистикой по-прежнему существуют, а Институт во главе с Константином Владимировичем уверенно и с неплохими достижениями шествует навстречу своему 75-летию, которое мы планируем отметить в феврале 2022 г. Что же касается «омоложения», то по этому пункту успехи налицо — Институт уже впору называть молодежным, и это замечательно. На смену ветеранам пришли и каждый год приходят замечательные девушки и юноши, прекрасно образованные (в том числе в техническом отношении, хотя и гуманитарии), весьма серьезно настроенные на занятия наукой и умеющие трудиться, которым предстоит развивать славяноведение и балканистику в XXI веке. И мы надеемся, говоря Вашими словами, Ирина Степановна, что всё будет хорошо!